

18 декабря 1984 г. № 151 [5939]

ПОЛИТИКА
ИДЕОЛОГИЯ

З

ВЕНГЕРСКИЕ ТЕТРАДИ

Ну как тут не родиться сказке! Сама округа располагает к этому. Меж пологих берегов неторопливо катит свои воды величественный Дунай. По его рябой от утреннего ветерка поверхности бегут вперегонки солнечные зайчики. На одном берегу реки расположился древний городок Сентендре. Его узенькие, тщательно ухоженные улочки, маленькие площади так по-домашнему уютны и надежны, что порой кажется, будто ходишь по залам замка, соединенным длинными коридорами, выстланными каменными плитами. Гул от шагов по ним еще больше подчеркивает эту иллюзию. А на другой стороне — неоглядные просторы леса, откуда доносятся запахи поздней осени — мокрой коры и прелых листьев.

Тихо и задумчиво в этом утолке Венгрии. Тут и поселилась много-много лет назад Маргит Ковач, после того как поехала по Европе, набираясь у лучших учителей умения сочинять сказки из простой сырой глины с помощью гончарного круга. Да что сказки! Маргит Ковач создала чудо Сентендре, восхититься которым приезжают люди со всего света. И те счастливы, кому удалось прикоснуться к нему, пополнить свой эмоциональный мир, познать еще одну грань прекрасного.

Всякий раз, приезжая в Венгрию, я намеревалась обязательно посетить Маргит Ковач, тем более путь-то от Будапешта до Сентендре невелик — каких-нибудь четыре десятка километров. А вот, поди ж ты, попасть к ней до сих пор мне так и не удалось. Все время мешали какие-то причины. Теперь, когда Маргит не стало, вспомнить об этом горько. Но рассказывать беду не поправит. Ее великое искусство живо, и я приехал к нему, а значит, и к ней — Маргит Ковач.

Нет, весь я не умру —
душа в заветной лире
Мой прах переживет
и тленья убежит —

сказал наш великий поэт. Заветной лирой Маргит Ковач стала глина. Когда в доме художницы в Сентендре был открыт музей, она написала, обращаясь к «всяк сюда входящему»:

«Глина — хлеб мой насущный, моя радость и моя печаль. Уже при первом прикосновении она стала моей жизненной стихией. И эта стихия, перешедшая в мою плоть и кровь,

СКАЗКА ЖИВЕТ НА ДУНАЕ

увлекает меня с собой, то возносит к вершинам радости, то низвергает в пучину ужасающей безнадежности. И я хочу нестись по этим волнам до конца дней своих. Ибо прекрасно древнее это ремесло».

Это древнее ремесло Маргит Ковач вознесла к вершинам великого неповторимого искусства. В ее фресках, рельефах, скульптурах явственно ощущается добрую улыбку, легкую иронию, глубокую скорбь, нежную любовь и никогда ненависть. Художница словно вобрала в сердце все лучшие проявления человеческой натуры и, снабдив каждый ее нюанс личным отношением, передала чуткими пальцами своему произведению. И оно ожило, заговорило, будто стало твоим собеседником.

Неисчерпаемым источником вдохновения Маргит Ковач служил ее народ. В его гуще черпала она темы и образы, наблюдала повадки, мимику и жесты. Ее работы, можно сказать, — это национальный атлас черт характера венгерского народа. Вот почему уходишь из музея обогащенным, ибо окунулся в подлинную жизнь.

Виртуозность техники Ковач выражается главным образом в произведениях большого формата. Никто в мире не создавал на гончарном круге такие фигуры. Да еще в цвете. А величие ее искусства в точной передаче психологического душевного настроения модели.

Скульптурная группа «Семья». Угадываются бабушка, ее дочь и внучка. Внешне разнит их лишь время, но внутреннее состояние у каждой особое: младшая полна доверчивости, удивления и осторожно-го любопытства — очень хочется дотронуться до неведомого, и... боязно; мать — дерзкая молодая женщина знает себе це-

ну, немножко капризна; и старуха, испытывая за долгие годы все, потому с опаской и заботой смотрящая на своих родных, словно спрашивая у судьбы, а что она уготовила им впереди, предостерегая их от своих собственных ошибок.

«Девушка, режущая хлеб». Она в праздничном платье. Каравай, наверное, нового урожая. По-крестьянски он прижат к груди. Горбушка уже отрезана. Чуть склоненная голова. Взгляд девушки вопросительно обращен явно к своим домашним: ну, кому, кто любит горбушку? И, конечно, этот самый сладкий кусок достанется любимцу. «Кормящая мать», «Прядильщица», «Нищенка с глазами незабудки» — эти и многие другие скульптуры восхищают не только чисто профессиональными достоинствами, о которых я говорил, но и удивительной декоративностью, красочностью, композиционной оригинальностью.

Каждая новая комната музея встречает посетителя неожиданностью. Хочется всмотреться в то, что особенно поразило. Например, фреска «Сбор яблок». Эта работа относится к «цветному» периоду творчества Маргит Ковач. Здесь она сполна блеснула своеобразной техникой полива, используя земляные краски и покрывающую их глазурь. «Сбор яблок» — крупноформатная фреска с большим количеством фигур по своему артистизму похожа на фламандский гобелен. Семья в саду у старой яблони. Каждый занят своим делом. Хозяин привез тачку с корзиной и прилаживает лестницу к толстому стволу. Мальчик уже сидит на суку, бросает яблоки в расправленный, как мешок, мамин фартук. От фрески веет радостью урожайной осени. И «воздух так чист, точно его со-

всем нет, по всему саду раздаются голоса», и сильно пахнет яблоками, свежестью утра и меда, а на душе отрада. Встреча с рассказом Бунина «Антоновские яблоки» у этой фрески неувидительна и неизбежна. Великие произведения, какими бы средствами они ни были созданы и в какой бы стране ни появились, объединяет дух человеческого гения. «Это, быть может, такие произведения, — говорил Поль Вальери, — которые способны застыть, не умирая и не разлагаясь».

Маргит Ковач владеет искусством керамики в совершенстве. Ей все доступно — скульптура, фреска, рельеф. Сюжет ее произведений поражает разнообразием — от наивного мифа, простенькой городской сценки до исторического события. Так же богат и арсенал жанров — гротеск, шутка, драма, рассказ. В последние годы творчества художница снова вернулась к поверхностной, как бы первичной обработке своих моделей. Но и здесь она обогатила современное венгерское искусство непревзойденными образцами. За кажущейся грубостью материала проступает взрывчатая сила мыслей и духа героя. Каждая линия зовет или разделяет радость, или проникнуться и понять боль. Фигуры ее работ становятся вытнутыми и отражают какое-либо типичное состояние человека, а обобщенные черты лица, позы — его жизнь, судьбу.

Может показаться странным, но это факт: ни одно из выдающихся произведений Маргит Ковач не экспонируется в музеях мира, не хранится в частных коллекциях. И не потому, что ее работы не хотели приобрести меценаты, любители, галереи. Желавших были сотни и тысячи. Условия — одно выгоднее другого. Но Маргит Ковач твердо отказывалась от всех предложений. Правда, иногда она дарила свои работы, но самым близким друзьям. Она собирала коллекцию из своих собственных работ. Вот так и возник уникальный музей, аналогов которому нет на целом свете.

В доме Маргит Ковач ее коллекции было очень тесно. Поэтому к нему присоединили еще несколько просторных помещений. Переступив порог прекрасного старого дома, я сразу ощутил теплоту вечно живого человеческого духа, ибо сердце Маргит Ковач поселилось в ее произведениях и стало бессмертным.

Встреча состоялась.

Борис ИВАНОВ,

спец. корр.
«Советской культуры».
БУДАПЕШТ — МОСКВА.

● М. Ковач.
● «Девушка, режущая хлеб».
● «Горе».

